

Справившись с жизнью на славу,
Можешь гордиться по праву.
Теперь постарайся, Тамара,
И всё изложи в мемуары.
Анатолий Горбушин, 28.07.2017

Я тебе расскажу, что на сердце моём

Детство, о милое детство,
Напрасно тебя мы торопим,
Не думая, что же в наследство
Возьмём мы с собой в дорогу.
Ведь детство — не просто детство,
Мечты молодой цветенье,
Оно — как судьбы наследство,
Надежда и вдохновенье.
И вот уж ты смотришь повсюду
Умудрённым, уверенным взглядом.
И молодость не забудешь,
И детство всё время рядом.
И надо сказать откровенно:
Богаче всегда наследство
У тех, кто не тратил время,
Кто жил не в бездумном детстве.

Было ли оно беззаботным, моё детство? Когда тебе пять лет и ты смотришь по сторонам и ждёшь, разрешит ли тебе мама пойти с папой, гостей пригласить на день рождения годовалого братика? А когда тебе семь лет и ты уже знаешь, что где-то идёт война?

Мы, трое малышей, играем во дворе. Вдруг из дома выходит мама с таким командным: «Быстро домой». — «Что? Бомбить будут», — спрашиваем и мгновенно прячемся под крыльцо. А в калитку чуть погодя входит папа. Не успела мама не пустить его домой. Что там было между ними в их жизни? Ни с мамой, ни с дедом не было у них взаимопонимания. Бабушка была очень добрая и любила зятя, но она в семье не имела права голоса. Бабушкина сестра Вера Васильевна говорила: «Таня хорошая, но Яша лучше, он такой хороший человек». Да они все — тётя Дуся, тётя Акси́нья, дядя Миша, дядя Ваня и дядя Семён (папины братья и сёстры) — были добрыми, хорошими людьми.

А вот дедова сестра тётя Катя... 1945 год, мне десять с половиной лет, но так странно это показалось. Дед помер, мы пошли за

тётей Катей, а она вдруг говорит: «Ну чего пришли ночью? Пусть лежит до утра».

Выходя замуж, мама знала, что у её жениха умерла, не разродившись, его первая жена (и, конечно, любимая). Когда родилась я, она по просьбе отца даже согласилась дать мне имя, которым звалась она.

В 1942 году на фронт стали набирать добровольцев. И хотя на железной дороге была «бронь», папа тоже записался и, уходя, вместе с тётей Дусей и Аксиньей привёл нам корову. А проезжая из города Иланский, где формировалась добровольческая бригада, дал нам знать и при встрече на нашей станции подарил мне веер.

Ты сегодня мне, любимый, снился.
Видимо, сказать пришла пора:
Твой подарок у меня не сохранился,
В детском доме поломала детвора.

И с фронта в письмах писал: «Томочке-дочке, в синем платочке, папочку ждущей домой». Наверное, так и не отпустила его любовь к своей первой жене, не ладилось что-то с мамой. В письмах к тёте Дусе (они сейчас хранятся в уголке славы в библиотеке моего родного города) папа писал: «Воюем хорошо, и дальше будем гнать фашистов». Он был награждён медалью «За отвагу». В 1944 году папа погиб в Белоруссии, под Витебском.

Прогоняя фашистов-зверей,
Сибиряк тоже встал под ружьё,
И... кусочек землицы твоей
Полит кровью отца моего.

Но как же резанули моё детское сознание слова мамы, когда она прочитала в присутствии его сестёр похоронку: «Ну и чёрт с ним, детей только жалко». Господи, разве так можно? Наверное, он её и наказал за это. После гибели отца она не прожила и четырёх лет. Царствие им небесное. Отец — 1944 год, дед — 1945 год, бабушка — февраль 1948 года, и мама — декабрь того же 1948 года.

У мамы было среднее специальное образование, она работала фельдшером-акушеркой в железнодорожной больнице. У отца, наверное, ничего не было, он работал весовщиком в товарной конторе станции.

Может, ещё одно к одному: когда наши покупали дом по улице Октябрьской, красивый, добротный, шесть на восемь метров, перед окнами три тополя у дороги (где мы и росли потом), чтобы расплатиться полностью, не хватало тысячи двухсот рублей. Но Романовы согласились, что мама вскоре им вышлет остаток, и уехали куда-то в Среднюю Азию.

Собрав как-то нужную сумму денег, мама пришла на почту, не догадавшись, что за перевод денег надо заплатить. Но всё-таки отослала, уменьшив сумму на стоимость перевода. И тут же отправила письмо с объяснением и обещанием. Извещение о деньгах пришло Романовым раньше, и, поскольку сумма была неполной, они в письме к нашим родным написали о своём проклятии. Это было в 1940 году. И за восемь лет их, всех четверых, не стало.

...Кроме своей основной работы, мама хорошо шила — и себе, и всей семье, и тётушкам, и двоюродным сёстрам. А она у деда с бабушкой была одна.

Самое светлое, что было в эти годы, — это моя учёба в школе № 40. Я хорошо училась, особенно любила математику. У нас были прекрасные учителя. А ещё самодеятельность, которой руководила женщина, сосланная в Сибирь за то, что она во время войны была замужем за венгром.

Сказку «Снежная королева» такого содержания, с таким песенным оформлением, как она поставила в нашем исполнении (я была одной из шести снежинок), я больше никогда не видела и не читала. Это было просто чудо!

«Твой Кай на санках золотых умчался вдаль, его не жди, но не грусти о нём, дружок...» Может, это и помогало мне потом всю мою жизнь?!

К одному из школьных праздников (мама уже болела и только объясняла, как положить ткань, как отмерить, очертить, разрезать...) я сама сшила себе юбочку солнце-клёш, но на праздник мама меня не пустила. Конечно, можно подумать: поздний вечер, ходили мы в школу через линию (виадука не было), лазили под вагоны составов. Но потом мама вдруг сказала: «Хорошо, что ты меня послушала, не пошла. Я так переживала». И рассказала, что когда-то в девичестве ей сказала цыганка: «Будет у тебя первая дочка, будешь любить её очень и умрёшь от неё». Господи! Сколько ужасов на детскую голову.

...Заготавливая дрова в лесу вместе с другими женщинами для отопления родильного отделения железнодорожной больницы, где она работала (мужики-то были на фронте), мама простудилась и заболела туберкулёзом. Когда освободили от фашистов Крым, мама по путёвке или по командировке (не знаю точно), или так как у неё там жили две её двоюродные сестры, уехала в Симферополь. Устроилась на работу в санэпидстанцию, встала на очередь на квартиру под номером 3000.

Чтобы вылечиться от своей болячки (видимо, кто-то посоветовал), мама как-то в табуретке держала гуся, топила и пила потом гусяное сало — короче, почти вылечилась. Стала звать нас с бабушкой (дед к этому времени уже умер, хоронили без неё) к себе в

Крым. Но бабушка сказала: «Никуда я никогда не ездила и сейчас не поеду», — и мама вернулась домой. А очередь на получение квартиры к тому времени была уже шестидесятая.

А здесь болезнь опять возобновилась и стала только прогрессировать. Бабушка умерла в пятьдесят четыре года, десятого февраля, в это время мама уже лежала, болела. «Скажи, — говорила мне в больнице (я ходила туда за обедами), — что к первому марта я выйду на работу». И не вышла, и не встала, и пролежала восемь месяцев.

Как-то попросилась к нам бабушкина бывшая знакомая; помню только, что называли её Хаменчиха (имя или фамилию не знаю). Мама согласилась, чтобы она жила у нас. И вот тридцать первого декабря, где-то часов около девяти вечера, мама стала дышать с каким-то стоном, глаза смотрели в одну точку, не моргала и не закрывала их. И мне Хаменчиха говорит: «Достань из-за иконы (которую она принесла и повесила в углу, когда пришла к нам жить) свечку и положи её тихонечко маме под подушку, ей станет полегче». Около мамы стояла этажерка, где лежали её таблетки, полотенце, стояли водичка и плевательница. А у Хаменчихи был большой живот (водянкой называли): я, мол, не смогу к ней близко подойти. Я достала эту свечку и положила маме под подушку. И мы все втроём, с сестрой и братом (четырнацати, двенадцати и десяти лет), улеглись на одной кровати (она была двуспальная, большая), и я стала им что-то читать вслух как бы перед сном.

Немного погодя мама стонать перестала, а я слышу, Хаменчиха зажигает свечку. Мама умерла вечером в половине десятого, под самый Новый год. Хоронила её больница только на пятый день. Родные отца из Семёновки приехали только на девятый день.

В районо (районном отделе народного образования) нам дали какую-то бумажку в краевой отдел народного образования, и мы втроём поехали в Красноярск. Как мы там отыскивали это здание и нужный кабинет? Оттуда нам дали направление в Канский спецдетгородок — как оказалось, для детей, чьи отцы погибли в годы Великой Отечественной войны. И мы поехали туда: 405, 6 и 7 по списку.

Сейчас вот я думаю: пусть там было человек тридцать обслуживающего персонала, так ведь это на четыреста детей. А что сейчас развели? — на тридцать детей почти столько же нахлебников.

Когда родня отца забирала наши вещи перед отъездом в детский дом, говорили, что совхоз (или, вернее, колхоз в то время) сказал, что поможет с кормами для подраставшей у нас тёлочки, и когда мы выйдем из детдома, у нас будет корова.

Но не тут-то было... Где-то года через два вручил мне дядя Миша пятьсот рублей за эту тёлочку, что-то промямлив в оправдание, а я потом, забирая у них кое-какие вещи, узнала эту тёлочку в их дворе.

Но на эти пятьсот рублей я тогда купила ткань и сама себе сшила платье, воспользовавшись машинкой, которая была у жены завуча детского дома Костенко Марии.

...Зная, что скоро умрёт, мама говорила родне отца: «У вас у всех большие семьи (у дяди Миши было четырнадцать детей), поэтому никто из вас не сможет взять к себе моих троих. А я не хочу, чтобы их разделяли, лучше устройте в детский дом».

Рядом с Уяром, в селе Семёновка, был в это время детский дом, но там давали всего лишь семилетнее образование (в местной школе), а я уже училась в седьмом классе. Наверное, поэтому нас определили в город Канск. Но после прохождения карантинного срока нас распределили по полу и возрасту по разным группам. И слишком большого родства между нами не получилось. Я, правда, «пожертвовала» собой, сдав на четвёрку первый экзамен (по русскому языку), а нас, детдомовских, было тогда указание, принимали даже с тройками. Получила письмо от сестры о том, что брата хотят отправить в ПТУ, а он не хочет: поговори, мол, с тётками, пусть его возьмут, будут получать на него по потере кормильца какие-то деньги. Не согласились. И я, забрав документы из института, вернулась из Новосибирска в Уяр и взяла к себе брата, в свой дом. Пустила к себе женщину с двумя детьми, денег с неё не брала, она ходила на железную дорогу, собирала уголь, упавший с вагонов, и топила им печку, и было уже хорошо. Районный комитет комсомола определил меня на работу в школу № 2 старшей пионервожатой. Всё в порядке...

Хотя какой там порядок — столько событий, цепляется одно за другое. Но Борис всё же закончил школу.

...Но вернусь к детскому дому. В школу мы ходили городскую (в Канске). В классе нас из детдома было четверо, но дружба у меня лучше получалась с городскими. Казалось, всё было хорошо.

И вдруг я вспоминаю, как та самая Хаменчиха рассказывала о том, как тяжело умирал её муж. «Я,— говорит,— сняла тогда с иконы своё венчалное полотенце, положила его к себе на колени и на голову мужа, и он так легко отошёл». Господи! Так ведь и меня она попросила положить маме под подушку венчальную свечку. И тут я вспомнила тот мамин рассказ о гадании цыганки. Всё случилось из-за меня? Как и сколько я ревела после этого! Рассказывала и ревела. Да, конечно, мама бы всё равно умерла, но к утру, или к вечеру другого дня, или через неделю. Доктора ведь от неё отказались, никто не приходил... Но она умерла почти сразу, как я положила эту свечку.

Сказать, чтобы совсем,— нет, я не успокоилась и до сих пор.

И ещё одни слова запомнились. Гладит по голове однажды меня мама и говорит: «Отошло твоё счастье, русая головка, но в средних годах опять будешь жить хорошо». Кто-то скажет: чушь

какая-то. Но всё это было в моей жизни. Что она называла счастьем? Чего до средних лет должно не быть?

В детском доме было всё хорошо (кроме моих воспоминаний и моей же дурости в своё время и потом). Девчонки меня почему-то называли «завучевой дочкой». Одноклассники, бывало, приходили в детдом, чтобы отпросить меня на какой-нибудь школьный праздник, и меня Иван Сергеевич, завуч, отпускал. В детдоме ведь тоже устраивали праздники.

А почему бы, я вот сейчас думаю, не разделить по дням их проведение, чтобы дети могли побывать и там, и там? Да это и сейчас, в наше время, так происходит. Например, в библиотеке собирается клуб «Собеседник» каждую последнюю субботу месяца, а в городском Дворце культуры в это же время какое-то своё мероприятие проводится. Кто-то, может, хотел бы и там, и там побывать. Но на наши просьбы и чаяния нам отвечают: «А нам какое дело до библиотеки? У нас существуют свои планы».

...Однажды в детдоме мы с Валею Ярославцевой растапливали печку в группе (со стороны коридора), и мимо проходила Полина Степановна Зеленкова. Валя вдруг и спрашивает её: «Скажите, как вы думаете, кто из нас вперёд выйдет замуж, я или Тамара?» Ответ был: «Тамара. Она такой человек, ей нужен кто-то близкий. Мамы нет, подружку хорошую трудно найти — значит, она скоро выйдет замуж».

К десятому классу нас (девчонок восемь) поселили в одну из комнат трёхкомнатной квартиры, где жила семья завуча детдома, и к ним приехал брат Марии из посёлка Предивинск Большемуртинского района. Через какое-то время он мне говорит: «Буду знать, что у меня здесь есть племянница». — «Какая?» — спрашиваю. «Ну тебя же зовут „завучевой дочкой“?» Так день за днём происходило общение, слово за слово, несколько поздравлений с успешно сданным мною экзаменом... И вдруг эта семья уезжает. А у меня, как говорят, будто «крыша съехала». Каждый день тоска, рыдания, слёзы. Девчонки уже не знали, что со мной делать, и каким-то образом нашли, где жила сестра Марии Лена Байбакова с семьёй, и взяли у неё адрес.

И эта семнадцатилетняя дурочка (я, конечно) отправила ему (Саше Соколовскому) письмо с тут же рождёнными стихами:

По синему небу помчались вы, тучи,
Тенью на землю бросая свой след.
Живёт среди елей в тайге дуб могучий,
Несите ему мой привет.

Он ответил. Стали писать друг другу, потом я уехала поступать в Новосибирск, но меня сорвала оттуда сестра. Вернулась я в свой родительский дом и забрала к себе из детдома брата.

Саша Соколовский приехал тут же, под Новый год. Конечно, чёрт знает что. Не повстречавшись, никогда раньше не разговаривая, как говорят, «по душам», не поцеловавшись ни разу, мы стали жить.

В Новый год я вышла замуж, дурная,
И не надо судьбу проклинать.
Знала ж я — эта дата плохая:
В Новый год умерла моя мать.

Соколовский приехал с чемоданом рубанков и прочих принадлежностей. Он был столяром-краснодеревщиком. Устроился на работу на хлебозавод экспедитором, развозил по магазинам хлеб. Александра Нестеровна Грудинина работала в то время на хлебозаводе и помнит его. С первой же полочки, как говорят, «под голую задницу», купил себе велосипед. Посадил весной пять грядок моркови. Да, а восемнадцатого января 1953 года мы с ним вступили в законный брак в присутствии педагога школы, где я работала, Нины Агеенко. И я тоже стала Соколовской.

Как потом оказалось, в Предивинске его должны были взять в армию, и его родня женила, чтобы кто-то его ждал. А его комиссовали, и он приехал ко мне, а не к ней. А перед регистрацией со мной просто как-то стёр штамп той регистрации. Я, конечно, ничего не знала об этом. Это потом мне рассказала его следующая жена: «Ваш брак недействителен». — «Хорошо, сообщи об этом в милицию». Никуда она не сообщила, и я на двоих детей получала алименты по двенадцать рублей пятьдесят копеек в месяц. Но всё это было потом.

У меня почему-то случился выкидыш. Когда мужа снова призывали в армию (то есть на два года позже, в стройбат), я оказалась вторично в положении. Служили тогда три года. Сделать аборт? Ведь он может и не вернуться, подумала я. И что? Я останусь без детей? Я оставила и, родив, назвала дочку Олечкой (весом четыре килограмма двести пятьдесят грамм). Оказалось, что у нас с дочерью разный резус-фактор. Получается, сделай я тогда аборт, у меня вообще могло не быть детей. Соколовского с Дальнего Востока перевели в Нижнеингашский район, в посёлок Тинской, и он стал

Молодая мама (справа). 1957 год

ездить к нам в самоволку (на службе он крутил кино). Дочке тогда исполнилось два года. Соколовский был ещё и фотографом. Очень хороший «кадрик» хранится у меня. Недавно я предоставляла этот снимок для стенгазеты «Молодая мама», когда совет ветеранов проводил праздник День матери.

Потом он и ещё приезжал, и я опять забеременела. «Что делать? Тебе ещё долго служить». — «Да ну,— говорит,— я не слышал её (дочкиных) первых слов, не видел её первых шагов, да, может, ещё будет мальчик, оставь».

Родился сынок, а Соколовский сказал, что служба была вольная, на каждой станции была «подруга» (фото мне дал в подтверждение), а тут сразу дети, семья. «У нас тут одна учительница из-под Смоленска жила с лейтенантом, а к нему приехала жена. Жалко женщину, я буду с ней жить пока».

За два года (как он говорил, а я думала — пять) нашей жизни с Соколовским он ударил меня один раз. Мы что-то в первый наш год решили постряпать. Завели в эмалированном ведре тесто, подошло, настряпали, а через какое-то время хватились, что ведро не вымыли, и в нём заплесневело оставшееся по бокам тесто. И мне прилетела оплеуха. Тогда, опомнившись от боли, я ему спокойно сказала: «Ты меня не бей. Не нравится что-то — я не держу».

Потом я однажды приезжала к нему в Тинской (когда продала дом и ничего не получилось в Новосибирске) и видела, как он бьёт свою Валентину. А она пойдёт поплачет у ручья и, возвратившись, говорит: «Я люблю его и никому не отдам». Да ради Бога.

Не болит больше сердце о нём, запрещаю,
И стихи не ему я пишу.
Я все мысли и думы стране посвящаю,
У которой поддержку ищу...

А дом я продала, потому что нас было трое. Сестра к этому времени заканчивала институт в Ленинграде, брат был в армии. Я отослала им их доли (две трети средств от продажи дома).

...С какой благодарностью я и сейчас вспоминаю заведующих детскими садами, воспитателей и нянечек, докторов и медицинских сестёр. Вернувшись из Новосибирска, иду в детский сад: «Вы нас возьмёте?» — «Конечно, возьмём, вы же наши». Ложусь в больницу на сохранение, звоню в детскую: возьмите, мол, мою младшую дочку, пусть полежит у вас недельку. Или с сердцем было как-то плохо: положите, пожалуйста, с дочкой. И они откликнулись на мои просьбы.

Очень хорошо, что тогда брали детей в ясли, и они были там под хорошим присмотром. Ходила с работы в течение дня,

кормила. Потом в детском саду (почему-то называли его деткомбинатом) организовали круглосуточное пребывание детей.

Спасибо вам, бабушки, няни, сестрёнки,
Всем, кто теперь уже несколько лет
Мне помогает от самых пелёнок
Не только взрастить, но открыть детям свет.

Однажды, забрав детей из детского сада, переходя с ними через железнодорожные пути, я чуть не попала под поезд (маневровый шёл вперёд вагонами): только успела маленького положить на снег и перевести через пути дочку, как пролетел состав. Сколько было шума и переживаний выдавших это путейцев, и, видимо, рассказали об этом кому-то из «Заготзерна», где я работала в это время нормировщиком в бухгалтерии. И тогда директор дал задание, чтобы нас в понедельник и в пятницу возили на машине или на лошадке. Спасибо всем этим добрым людям!

Спасибо педагогам школы № 2, где я начинала набирать свой трудовой стаж. Приходя на работу в обновках, я всегда слышала похвалу и удивление, что это я сшила сама. И кто-то просил сшить ему. Когда я поначалу была неуверенной, волновалась, подбадривали: вот, мол, и учишься уверенности на наших заказах.

Спасибо государству, что оно не цеплялось за мои такие, как сейчас бы сказали, «левые» заработки. Естественно, за сорок рублей зарплаты я бы не смогла справиться со своей детворой. Правда, позже я сама обращалась в райфинотдел, покупала там за пять рублей патент на год и шила. Трудясь при этом на основной работе и имея уже пятерых детей, сколько я могла потратить времени на шитьё? Надо сварить, постирать (а тогда ведь всё вручную), погладить, сходить в школу, почитать, поговорить с детьми. Вот и остаётся парочка часов в день на шитьё. Со мной соглашались, и я хоть в какой-то мере имела дополнительный доход. Если кто-то из моих заказчиков отказывался забирать остатки ткани, я из них комбинировала и шила обновки своим детям.

Вы спросите, как и когда народилось столько ребятишек?

В шестидесятые годы в «Заготзерне» началось большое строительство нового хлебоприёмного предприятия на другом конце города (в старом здании «Заготзерна» сейчас «Горгаз»), нужны были рабочие руки, и каким-то образом приехала сюда бригада рабочих из Канска. Я тогда познакомилась с Кимом и прожила с ним девять лет. Родила с ним трёх дочерей. Жили мы без регистрации, просто потому, что не было денег заплатить за развод с Соколовским. Когда Ким погиб, его по суду (помогли свидетельства соседей) всё-таки признали отцом девочек, и я получала на них пособие по утере кормильца.

Забыть нельзя, вернуть невозможно

Я любила Кима, он называл меня «миленькая». Мне нравились его друзья. Мы часто ездили с детьми в Канск к его лучшему другу, у которого тоже была большая семья (пятеро детей). Стариков давно нет в живых, а с их детьми мы до сих пор крепко дружим и каждый год встречаемся на праздниках и юбилеях.

Ким со мной не дрался, но я боялась его. Из-за наговоров, что ли? Если он приходил домой пьяный, я уходила с детьми, у кого-нибудь ночевала. Утром он находил нас, извинялся. А если получалось так, что я уходила одна, без детей, я вызывала милицию, и его забирали (кстати, даже спящим) на несколько суток. Выходя, он опять извинялся, хотя спрашивал: «А что я вам сделал?» И сам себе говорил: «Г...но надо жрать, а не водку пить». Однажды, увидев, что он идёт пьяный, я решила его не пускать и закрыла сени. А я жила в муниципальной избушке (в ней была раньше семенная лаборатория), Ким, поняв, что я его не пущу, вышел со двора на улицу и, разбив окно, стал влезать в дом. Я одного на руки, другого за руку, вышла с ребятишками в сени и закрыла дверь в дом.

Кто-то из прохожих вызвал милицию, и его забрали, взяв с меня заявление. Не за окно его, конечно же, посадили. Но народным заседателем в суде был главный бухгалтер железной дороги, он знал Кима, так как они с бригадой где-то раньше работали. Ким был тогда бригадиром и отстоял право не удерживать с иностранных граждан подоходный налог. Но почему-то только на суде тот узнал, что Ким — гражданин СССР. И он ему припомнил этот подоходный налог. За это Киму дали два года. Я не ходила на суд, узнала об этом от других людей, но когда его осудили, я принесла ему передачку (покушать). Помню, как мне в милиции «прошипели» вслед (шла мимо меня начальница паспортного стола): «Наверное, он мало её бил!» На что я огрызнулась, можно так сказать: «Никто меня не бил, что он натворил, за то его и наказали, а передачку, кроме меня, ему принести некому».

Перед этим я заказывала портреты, свой и его (знаете, раньше по квартирам ходили фотографы?). Сделали фотографии в рамке, привезли, и я их оба повесила. Через год и семь месяцев Ким вернулся, и мы опять стали жить вместе. Он работал на заводе ЖБК, и вдруг снова стали случаться пьянки с новыми «друзьями». И я решила уехать от него. Работала я тогда закрышкой и заведующей орсовской пошивочной мастерской, а жила в заводском неблагоустроенном бараке на втором этаже. Заказала я контейнер, погрузила вещи (оставила Киму всё, что нужно для приготовления его корейских блюд), коллектив вручил мне какую-то сумму денег

(как обычно мы дарили друг другу на день рождения, хотя у меня он двадцать второго сентября, а я уезжала пятого), и я с детьми поехала в город Иланский оформлять увольнение. Мне отказали, так как я, взяв в кредит телевизор (какой-то маленький, 1963 года выпуска), оставалась должна энную сумму денег ОРСу. Нет чтобы сказать: давайте я у вас на любой работе их отработаю, — я пошла искать и работу, и квартиру там, в Иланском. Нашла, заработала денег, рассчиталась, а зачем, куда теперь ехать? Написала жене двоюродного брата в Красноярск, чтобы она переадресовала мне в Иланский контейнер с вещами, который я отправила почему-то в Дивногорск (кто меня там ждал?) — наверное, чтобы не мешать родне со своими детьми? Она его переадресовала, и у неё остался мой адрес.

А в это же время Ким метался в поисках нас. К тому же я забыла в сарайчике всю зимнюю обувь. Он ездил в Семёновку к дяде Мише с тётей Настей, обо всём им рассказал, они дали ему адрес своего сына, и он приехал в Красноярск. И здесь обо всём рассказал (хотя говорил потом, что очень расстроился, когда зашёл и не увидел у порога детской обуви), но Зина дала ему мой иланский адрес (как она потом мне говорила, со словами, про себя произносимыми: человек заботится, ищет их, как будто я лучше живу с её братом). И Ким приехал в Иланский, нашёл этот адрес поздно вечером (был уже октябрь). Я просила хозяйку не открывать (ведь боялась, говорю). Постучав немного, слышу, говорит: «Ладно, я знаю, что вы здесь, посижу до утра на заваulinке». И хозяйка ему открыла. Конечно, ничего плохого не было, он опять извинялся, радовался, что нашёл нас, привёз обувь и говорил, что всё будет хорошо. И мы опять стали жить вместе.

Вскоре меня из этой пошивочной мастерской (КБО) перевели в деревню Ивановку закройщиком и заведующей мастерской, дали жильё, Ким устроился на работу, что-то верхом на лошади, и там у нас родилась Леночка (апрель 1964-го). С работой такой Ким не свыкся, и мы вернулись в Уяр. Появились Любочка (декабрь 1965-го) и Лиличка (февраль 1968-го). А через полгода, среди белого дня, в День строителя, Кима кто-то лишил жизни. Я работала бухгалтером в медвытрезвителе, и кто-то из милицейских сотрудников мне сказал об этом.

У могилы Кима. 2005 год

Придя в железнодорожную больницу, я спросила у Августы Ивановны: «Как же так? Его довольно быстро привезли в больницу. Неужели ничего нельзя было сделать?» На что она сказала, что ножевая рана была прямо в сердце, и он моментально истёк кровью.

Во время похорон, когда его вынесли из квартиры, открыли проветрить окна, и кто-то из «доброжелателей» полуголенькой выставил в окошко полугодовалую мою малышку со словами: «Сам ушёл, пусть и её заберёт». Конечно, она заболела, продуло её ветром. В больницу врачи положили её вместе с Любой, я ходила, кормила грудью Лиличку и проводывала Любашку. Потом доктор мне предложила устроить их всех троих в санаторный детский сад (он был бесплатный).

В это время я работала в районо, сначала кассиром-машинисткой, потом бухгалтером расчётной группы, начисляла заработную плату учителям и другим работникам школ всего района и города. Я стала просить нам с детьми нормальное жильё. Секретарь районного комитета партии И. А. Сауныкин определил нас на четвёртый этаж в доме № 13 на площади Революции, в благоустроенную квартиру (двадцать восемь квадратных метров). Но знаете, что такое благоустройство в то время? Оказалось, что летом до наших этажей не доходит вода. Что делать? Внизу, под аптекой, нашли кран и, набирая оттуда воду, носили её вёдрами, считай, на пятый этаж. Сколько надо воды на шестерых? Помыться, постираться, сварить покушать, попить, смыть в туалете. А тут Мария Михайловна, главный бухгалтер, отправляет меня на курсы усовершенствования бухгалтеров в Красноярск на три недели. Старшие, Оля с Валентином, уже учились, а младших можно было оставлять на пятидневку круглосуточно в санаторном детском саду, и я согласилась. По выходным я возвращалась домой и опять уезжала на неделю.

Однажды, в первую пятницу (почему-то), я села в вагон электрички, еду. Напротив меня, но в другом ряду (то есть наискосок), сидит мужичок и почти всю дорогу смотрит на меня. Потом, выходя где-то на станции Камарчага, что ли, вдруг спрашивает: «А вы завтра не поедете?» — «Поеду, — тоже вдруг говорю, — в понедельник». И он стал, не садясь в электричку, дожидаться меня в Уяре на вокзале. Разговорились, познакомились. Оказалось, мужичок приезжий. Он с бригадой командирован был из ПЧ-15 города Николаева (Украина) на ремонт путей Красноярской железной дороги.

«Вы мне, — говорит, — понравились». — «Ну да, — отвечаю, — до тебя мне, когда у меня пятеро детей». — «А у меня, говорит, никого нет и не будет».

Здравствуй, вот я тебя снова вижу.

Здравствуй, на станции поезд стоит.

Что мы с тобой пережили за эти минуты?
Может, больше гораздо, чем даже за прошлую жизнь.
Но будет ли жизнь наша милой, прекрасной,
Если ты рядом пойдёшь?
Может, лучше бы не было этого чёткого «здравствуй»?
Пусть бы его мне шептали колёса и дождь.

Когда я окончила курсы, мы с ним стали жить. С мая 1971 года. Потом он молча уехал — как оказалось, на совет к маме. Вернулся, и десятого сентября, теперь уже разведясь с Соколовским, мы с Колей зарегистрировались, то есть вступили в законный брак, которому теперь уже сорок шесть лет. Коля усыновил троих моих детей (отец которых погиб). Через какое-то время я забеременела, и Коля вдруг говорит: «Неужели доктор так точно определил, что лет десять у меня детей не будет?» Он служил в Германии три года срочно и ещё два года сверхсрочно. И там затопило подземные склады с продовольствием для его части. И он долго стоял в холодной воде, подавая для выноса наверх то, что можно было спасти.

Сделать аборт? Он, конечно, просил оставить, а у меня был пример из жизни моих знакомых, Нины Арсентьевны и её мужа. У неё было двое детей. И Иван часто говорил: «Да сколько волка ни корми, он всё равно в лес смотрит». Обидно. И я оставила. Родился у нас сыночек Вовочка.

Что выдывал этот Коля, когда ребёнок чуть подрос. Володя покажет на шифоньер — он сажает его туда. Купил двухлетнему ребёнку велосипед, катал на мотоцикле и спереди, перед собой, и сзади. Ужас один. А я снова в положении.

Как всегда, я продолжала шить, а жили мы тогда на 9-й улице. Из-за той воды (помните?) мне пришлось поменяться квартирами — с этажей на землю (и по площади там было двадцать восемь, а здесь тридцать квадратных метров, и свой двор и огород).

Коля собирался в баню. «Дай,— говорит,— кого-нибудь из девчонок. Она посидит с Володей в садике около бани, пока я помоюсь, а ты шей спокойно». И поехали они с Любой втроём на мотоцикле. Приехали. Тяжело это всё вспоминать, и описать тяжело. Дети, Вовочка и Лиля, обожглись горячей водой. Лилю через семь дней выписали, а Вовочке помочь не смогли: то медсестра не могла попасть в вену, то, вызвав из детской медсестру, оказалось, что при таком свете никто и не сможет это сделать. Пока искали дополнительное освещение, время работало не на него. Вовочка умер. Как мне ответили потом из крайздрави, надо было его привезти к ним в ожоговый центр. Кому что было надо? Или это вообще надо было Господу Богу? До трёх лет он не дожил двадцать три дня.

А через месяц родился Василёк. Коля работал в районном Доме культуры, в Доме пионеров помогал (здания почти напротив друг друга), закрутился, завертелся, стал пить... Да, а когда только Вовочка родился, инспектор районо порекомендовала мне перейти на работу в школу № 3 (ближе к дому), там нужен был преподаватель обслуживающего труда, а я же портниха и салаты какие-никакие смогу научить как приготовить (это сейчас ведь доску вытереть не имеют права заставить ученика). Где вы, механики, токари, плотники? А тогда мальчиков учили ещё в школе и токарному, и слесарному, и плотницкому делу (преподавал Иванченко Коля, такой молодец). Потом директор школы Н. П. Удовицкий попросил меня работать его помощницей, как он сказал — заведующей хозяйственной частью школы. Я не могу справиться с пьянкой мужиков: и завхоз, и шесть кочегаров. А за школой числилось две котельных. Одна для школы, а другая, через дорогу, обогревала интернат, где жили дети из деревень, в которых не было средних школ. Николай Петрович по моей просьбе оставил мне двенадцать часов преподавания (я же, работая в районо, знала, что это можно), и я согласилась. Уже сейчас, конечно, не помню, но допустим, что в интернате жили человек пятьдесят-шестьдесят детей. А по всему кварталу, от переулка до переулка, — библиотека, магазин, жилые дома, в том числе райкома партии... Почему это всё должна обогревать школа? Сколько времени может уделить директор для контроля за учебным процессом?

И я всё это описала, послав письмо в газету «Труд». Через какое-то время котельную эту передали в городское ЖКХ. Вдруг мне звонит председатель горсовета Квасков и говорит: вам, мол, ответ прислать на ваше письмо? «Зачем он мне? — говорю. — Котельную мы передали, директора от лишней обузы освободили, я всё это знаю и так».

Потом однажды выдали заработную плату почему-то двадцать шестого апреля. И все школьные не только кочегары, но и технички ушли в запой. А я-то за их работу отвечаю. А что я могу сделать? Я попросила Колю дотопить школьную котельную эти оставшиеся до пятнадцатого мая двадцать дней (да и уголь же надо было дожечь, он ведь «распыхается» за лето или загорится). Коля согласился, а полы по коридорам (в классах-то дети полы всегда мыли сами) стала по вечерам мыть сама, ну и старшие мои дети помогали иногда. Так и обошлось всё хорошо. Но вдруг меня вызывают в прокуратуру. Оказывается, по их мнению, я совершила преступление. Получила какие-то лишние деньги. «Я что, бухгалтер, что ли? — говорю. — А полы мыть я могла во время своей основной работы, когда учащиеся бегают туда-сюда из конца в конец? Я мыла только по вечерам, когда уже не было никаких занятий. А как меня оформили, это не мои проблемы». Отстали.

А вот работая в «Заготзерне», я совершила один неблагоприятный поступок. Здесь есть предыстория.

Однажды я приехала в детский дом, и мне подарили туфли (или дали, не знаю, как сказать, обычно так делало руководство, не только мне), красивые, на каблучке.

Я работала тогда кассиром. В один из дней выдавала рабочим аванс. Стоят у окошка один за другим, получают, отходят. И вдруг подходит к окошку паренёк и называет свою фамилию. Я беру ведомость и говорю: «Вы же получили вчера!» — «Нет, — говорит, — не получал». Что делать? Я, естественно, отдаю ему обозначенные в ведомости двести рублей. И потом об этом рассказываю главному бухгалтеру Вере Снятковой. Погоревала вроде вместе со мной. Я продаю за двести рублей эти свои туфли и погашаю кассовую недостачу. Через какое-то время поступает в кассу ордер для выдачи какой-то суммы (я уже не помню сколько) по наряду. И Вера Александровна рассказывает мне его историю. Мол, ей рассказал бригадир (ну, кто был ответственный за выполнение этой работы), что никто ничего не делал, просто руководство заставило оформить «липовый» наряд. Не надо никого ждать, надо их просто получить. Ещё чего! «Да я, — говорит, — сама всё сделаю. Ты якобы ни при чём». Она сама расписалась за того фигуранта, поставила номер его якобы паспорта и забрала деньги, выдав мне двести рублей со словами: «Купишь себе туфли, что пришлось тогда продать».

Директор «Заготзерна» говорит мне: мол, сегодня придёт человек получить по наряду. Деньги в кассе есть? Я говорю: их уже получили, — показываю ордер, где есть номер паспорта и подпись.

Конечно, куда им обращаться? Искать человека с таким номером паспорта? Словом, получилось, что вор у вора украл. А сейчас вот я думаю: не на эту ли тему была подстава, что мне пришлось продать свои детдомовские туфли? Словом, туфли (их стоимость) мне вернули. Какое-то время спустя главный бухгалтер А. Н. Маслов перевёл меня в бухгалтерию работать нормировщиком. Ещё и работала в кассе, и потом в свободное время печатала на машинке свои стихи и помогала бухгалтерам, а если переписывала экземпляры каких-то отчётов — спрашивала: почему здесь так, а здесь так? Потом, наверное, благодаря этому (то есть старалась учиться) из меня получился нормальный бухгалтер.

А Коля в школе нашёл себе «подружку». И я подала на развод. На суде сказала: «Когда он пришёл ко мне, у меня было пятеро детей. Вам удивительно? А мне теперь нет. Если, мол, баба кормит пятерых детей, и я буду сыт. А я вот сейчас рожу ещё одного (а кто-то меня научил, я считала и знала, что будет дочка). А его мне не надо». Нам дали, как это всегда бывает, время подумать. Коля поехал лечиться от пьянки, а я родила Люсеньку.

Счастье в детях нашла

А рожать пришлось поехать в Новосибирск. Говорила докторша, что родильный дом закрывают на ремонт и меня отправят в Партизанский роддом. И я поехала, взяв с собой Любу, в Новосибирск, там уже работала Оля.

Повидалась с роднёй отца и родила дочку. Но у меня хотели отобрать её. Я так думаю. Ведь записывали же всё: седьмой ребёнок, приехала чёрт знает откуда. Накололи чем-то, что после родов еле довели до кровати палаты. День не принесли кормить, второй, я стала спрашивать почему. У неё, говорят, что-то с сердцем, слабенькая, зачем она вам? Я стала сцеживать молоко и носить с третьего на первый этаж, где держали дочку. И так по нескольку раз в день. И докторам ничего не оставалось, как перевести и меня в палату на первый этаж и носить мне дочку. Я так переживала, что она, наверное, привыкла к соске и не возьмёт грудь, но она молодец, сразу же прильнула к груди. И ничего необычного в поведении ребёнка не было. И, выписывая нас, доктор сказала: «Не знаю, что с ней было». А что она могла сказать? Сейчас моя Людмила Николаевна — с двумя высшими образованиями. Кемеровский институт культуры и искусств (а до этого был Канский библиотечный техникум), и, поскольку в Железногорске после десяти лет работы в библиотеке имени Гайдара ей предложили работу в библиотеке Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, где в полтора раза выше заработная плата, работая уже там заведующей библиотекой, она окончила ещё и Санкт-Петербургский университет, получив специальность психолога.

Оля хорошо училась в школе, но, поступив на подготовительные курсы в институт, отучившись небольшое время, оставила институт и вернулась домой. Работала после школы в комбинате бытового обслуживания в экспериментальном цехе, потом в бухгалтерии, в Сбербанке. Уезжала в Новосибирск, работала в отделе социального обеспечения. Вернувшись домой, устроилась работать воспитателем в ведомственный детский сад при заводе ЖБК.

Окончила экстерном курсы воспитателей при школе-лицее № 28, была присвоена специальность «воспитатель». И вот в данной должности работает уже тридцать три года. Нашла своё призвание в педагогике и периодически подтверждает свою первую категорию.

Валентин, отслужив в армии, уехал опять в Железногорск, где учился в училище до армии, поступил в политехнический институт на автодорожный факультет. Теперь работает инженером по безопасности дорожного движения на пассажирском автотранспортном предприятии.

У Лили тоже два высших образования (а перед ними был окончен Канский техникум по специальности «учитель начальных классов»): Красноярский педагогический институт (учитель математики и информатики), а уже живя в Москве, получила второе высшее по специальности «учитель начальных классов».

Время стало совсем другим. Учить повзрослевших детей — ужас.

Кстати, когда Лена хотела после девятого класса поехать в Канск в педагогический техникум, а классный руководитель Лидия Плетнёва говорила: «Что вы, Тамара Яковлевна, такое разрешаете? Она же прирождённый математик», — я иногда уходила из класса и оставляла её за себя. Хотя я ей ответила тогда: «А что, в начальных классах должны работать посредственники?» Но Лена послушала не меня, а педагога. В результате что? Эта Плетнёва уехала, появился другой классный руководитель, да ещё из остатков двух девяток сделали один, а потом ещё неправильно из так называемой «простыни» троим выпускникам, как бы по ошибке, занесли оценки в аттестаты (оказалось, одной надо было завесить по физике — вместо тройки поставить четвёрку, а чтобы выдать просто за ошибку — двоим решили чуть занижить: Лене по иностранному и по истории вместо пятёрок — четвёрки, и Наде Бабахиной вместо пятёрки — четвёрку).

«Мама, если в своей школе такое можно сделать, как можно надеяться на институт, правильно ли там оценят?» Я поговорила с преподавателем иностранного языка: «Тамара Николаевна, Лена что, у вас училась на пять?» — «А что вы сомневаетесь? У неё откуда такой запас слов, так быстро и правильно всё переводила?» — «Ну, спасибо вам. А в аттестате у неё почему-то четыре». — «Как это? Пойдёмте». И — тёмный лес, как говорят... Я как бы смирилась, надо было дать девочкам хоть куда-то поступить, а то начнут разбираться, и год пропадёт.

Потом написала письмо в «Учительскую газету». Сказав: не верится, что такое возможно, — просили моего согласия или разрешения направить в наше районо комиссию с проверкой. Направляйте, только не краевых. Я же работала в районо и знаю, что как только сообщают: к вам едет проверка, — сразу начинается: надо на мясокомбинат сходить, «гостинчик» припасти.

Приехали, вызвали меня и говорят: «Нам вот попалась тут статья ваша» (Ну, естественно, им подсунули специально.) А дело было в том, что директор школы И. С. Ченцов почему-то не давал нам провести выпускной вечер в школе. Я пошла в районную администрацию к заместителю председателя райсовета А. Межуеву с таким разговором: мол, если вы его не заставите отпраздновать выпускной в школе (тогда все их в школе проводили), мы пойдём в ресторан. «Что вы! Что вы!» — говорит он. «А что? Для вас это ресторан, а для нас это будет просто помещение для детей и родителей», — и ушла. Ченцов

смилоствивился, что ли, или уж заставили свыше — нам было всё равно. Оказалось, что Иван Сергеевич в своё время сразу со школьной скамьи ушёл на фронт в годы Великой Отечественной войны. Он рассказал нам об этом, поздравил выпускников, вручая им аттестаты.

И поскольку, как я уже говорила, разборку с оценками я отложила на осень, статья, естественно, получилась хорошей во всех отношениях.

Так вот, с того момента: «У вас такая добрая, открытая душа...» — я тут же, перебивая их, говорю: «А что? Она у меня должна быть открытая и для пакостей, что ли? Вы приехали проверять моё творчество или работу школы?» — «Ну давайте, — говорит, — займёмся вашей дочерью». — «Нет, — говорю, — или вы займётесь всеми аттестатами, или я ухожу». А что им оставалось делать? Позвонили в одно учебное заведение с просьбой передать оценки по всем предметам в аттестате, в другое, в третье. Всё, о чём я писала, подтвердилось. Кому-то двум сделали выговоры. А вот, кстати, Лена поступила в техникум пищевой промышленности на бухгалтерский учёт (поеду, говорит, где возьмут без экзаменов), а Надю Бабахину не взяли — у неё же по математикетто и занизили оценку с пятёрки на четвёрку. И она в последний момент поступила не на фельдшерское, а на отделение медсестёр.

А Лена, поработав бухгалтером на хлебоприёмном предприятии и на комбинате бытового обслуживания (говорит, если честно и правильно составлять отчёты...), ушла вообще в парикмахеры, а в 2011 году устроилась в городской Дом культуры, поучаствовала какое-то время в самодеятельности (директор Т. В. Вшивкова говорила, что там одна только Лена держит правильно ноты). Потом Лена поступила в институт на платное отделение культуры и закончила его. А кто теперь её возьмёт, в эти годы?

Люба закончила ПТУ в Зеленогорске, работать в Красноярске не захотела. Уже много лет самоучкой, с курсами повышения, работает в редакции «Вперёд» (которой и я отдала десять лет своего трудового стажа главным бухгалтером и штатным корреспондентом и около шестидесяти лет — нештатным корреспондентом) оператором компьютерной вёрстки газеты.

Вася закончил ПТУ-63 в Уяре. Работает водителем.

Коля меня тоже ударил один раз. Деньги домашние лежали свободно. Каким-то образом я обнаружила у него в кармане облигации трёхпроцентного займа Сбербанка. Я разделила их ровно пополам, обменяла свою половину на деньги и заплатила за квартиру за целый год. Он обнаружил эту «недостачу», налетел на меня с руганью в школе № 3, где мы тогда работали. И когда я объяснила, он в присутствии учителей ударил меня, разбив при этом очки. Вызвали скорую,

та, забрав меня, вызвала на работу доктора, Иноземцеву, и она пришла (рабочий день уже закончился), осмотрела меня и промыла мне глаза: вдруг стекло от очков попало? Закапала какие-то капли. Спасибо ей большое, всё обошлось. А мне что, ждать ещё каких-либо выходов от Коли? Я написала заявление в милицию. Ему присудили штраф — пятьдесят процентов из зарплаты за месяц. А в это время он, кроме основной работы, прочищал всю школьную канализационную систему. (Кстати, сейчас мы живём в этажах, никто никогда не производит таких чисток, а потом то там, то тут переполняются канализационные колодцы, и в аварийном порядке начинают откачку и кое-какую чистку. Однажды главе города Чащину задавали вопрос в редакции: «За что мы платим, если месяцами не производят откачку септика?» А он отвечает: «А мы не за машины берём, а за систему». И это говорит глава города. А с системой-то кто что делает?)

Так вот, Любовь Васильевна, бухгалтер администрации города, говорит мне: «Тамара, пришёл исполнительный лист. У Коли ещё и по наряду заработок, давай я его задержу, а в следующем месяце удержим». — «Нет, — говорю, — что заработал, то пусть и получает». Удар по семейному бюджету? Или терпеть чьи-то дурацкие выходы? Однажды сломал ногу, торопясь к очередной своей подружке, танцовщице из Дома пионеров. На мой приход к нему в больницу с передачкой: «А, это ты?» — говорит. Видно, ждал её прихода. Хотя до этого какой-то праздник был в Доме пионеров, и, танцуя с ним, она вдруг толкает его в мою сторону со словами: «Забирай своего Шикулу, я Трофимова хочу».

Я написала в райком партии заявление с просьбой прекратить бардак в Доме пионеров, так как на моё обращение к его директору З. П. она сказала: «Ой, Томка, как я буду с ней разговаривать? Я им всегда говорила: ..., девки, пока просят». Я тогда Пискуновичу и сказала: «Ради Бога, только не в Доме пионеров, а где-нибудь в ПМК».

Она уехала куда-то в Абакан, что ли. Коля сказал, что поедет на Украину к матери погостить. А через какое-то время в Уяр возвращается на работу в прокуратуру Г. Х. и спрашивает З. П.: «А что, Шикулы разошлись?» — «Нет», — отвечает Зиночка. «А я, — говорит, — видела его в Абакане с этой дамой».

Приезжает. Я ему рассказываю это и спрашиваю: «Ну и чего ж не остался с ней?» — «Не оставила», — говорит. Ну и что с ним делать? Куда его девать? Да так и живём.

Ты свободен в поступках своих —
С кем встречаться и строить «любовь».
Дети нам помогают, и мы любим их,
Значит, мы не чужие с тобой.

Сейчас у него какая-то Света в подружках.

Случился у него инсульт, попал с машиной в аварию. Наша доблестная судебная система обвинила его, не обращая внимания на диагноз (хотя поначалу Г. говорил: «Тысяч шесть мне заплатите — нанять машину, отвезти свою в ремонт»). Оказалось, что, вместо первоначальной оценки ущерба его машине в тридцать восемь тысяч рублей, вдруг оказалось потом сто сорок три тысячи. И на мои слова судье: мол, адвокаты говорят, что вы назначите третьего оценщика, — он так надменно мне сказал: «Я хочу — назначу, хочу — нет». И что, с таким человеком можно разговаривать?

И ещё одна его фраза: «Если мне надо будет, я запрошу диагноз». Ничего не запросил. Диагноз из краевой больницы, и что Коля лежит в стационаре, я сама приносила в секретариат, а он их, видимо, просто выбрасывал.

В таком возрасте и с новым поколением тяжело добиваться справедливости. Ни я, ни Коля на суды больше не ходили. Кстати, и Г. не ходил, переложив на своего адвоката, которого, я думаю, и нанял-то не сам. Так и удерживали с Колиной пенсии десять месяцев по пять тысяч рублей из его двенадцати!!!

...Это сейчас, под старость лет, я отказалась искать справедливость у сегодняшних, а тогда, живя на Орджоникидзе, где приходилось по одиннадцать ведер жечь угля, чтобы было тепло, да и нас уже стало девять человек, я стала просить своей семье нормальную квартиру. В горсовете Зимакова мне говорила всякую чушь, в райкоме партии (я не была её членом) один обещает — уходит в отпуск, другой говорит: я, мол, ничего не знаю... И я написала письмо в Москву, самому Брежневу. Рассказала об этом в районо, где я работала в то время, и мне на другой день одна из инспекторов, Валентина Мантуровская, говорит, что отец ей сказал: надо писать в два адреса, то есть и в ЦК КПСС.

Я так и сделала. Описала ситуацию: и холод, и тридцать квадратных метров на девять человек, и что если я не добьюсь для своих детей нормальных условий для жизни, я из неё уйду. А так как я жила в детском доме, я знаю, что у них будет и место для приготовления уроков, и где покушать, и сходить в туалет.

Письма раньше доходили до высших руководителей. Дошли и мои. Секретарь райкома партии поехал в крайком на совещание и, поднимаясь по лестнице, услышал в свой адрес: «Ты что там думаешь? Да если у тебя мать семерых детей что-то с собой сделает, я тебя знаешь за какое место подвешу?» Он же не один туда ездил, и мне рассказали об этом.

Квартиру мне дали хорошую, благоустроенную, трёхкомнатную. Понаставили мы по стенкам кроватей, диванов (раньше кредит-то

давали под одну целую две десятых процента), и всем нам было место для всего необходимого. Но наутро мы проснулись — и как будто снег на нас напáдал. С потолка и со стен запырило нас чем-то. Оказалось, в этой квартире стояли при постройке и отделке этого дома (новый дом) все бочки с разными побелочными растворами. Я написала в ПМК письмо с просьбой что-то с этим сделать, чтобы нас не засыпало. Пришли женщины, стали скоблить потолки и стены, и я тоже вместе с ними. Потом они побелили всё заново. Я приготовила обед, все остались довольны и рассказали, как они ворчали, когда им дали такое задание. У них был пример, когда жена председателя райсовета замордовала их: то этот колер ей не нравится, то тот. А я-то сказала тогда: мол, спасибо вам, девочки, а дальше уже разукрашивать я буду сама.

Так потом, когда я решила баллотироваться в депутаты горсовета и Иван Ефремович Балацкий сказал, что там пока нет кандидатов, он посоветовал мне сходить в ПМК. Меня включили в списки, и на выборах за меня проголосовало восемьдесят два процента избирателей. И на первой сессии меня избрали в секретариат. А поработать пришлось всего чуть больше двух лет — началась перестройка.

...Чем занимался Коля, куда ходил или ездил, мне было всё равно. Конечно, он привозил и грибов, и ягод, я делала на зиму заготовки...

А нам уже сегодня тридцать три

С 1984 года, то есть после моего пятидесятилетия, у нас стал работать организованный Р. М. Меснянкиной и Н. Н. Добрянской клуб «Подвиг». Я с тех пор являюсь членом совета этого клуба. Сначала «клубовцы» организовывали встречи с ветеранами войны, вдовами, узниками фашистских лагерей. Потом стали в школах проводить «Уроки мужества», приглашая к ученикам ветеранов, то есть заниматься военно-патриотическим воспитанием. Встречи с ветеранами, их рассказы о войне послужили для меня началом написания (сочинения) своих стихов на эти темы и их чтения среди подрастающего поколения.

Теперь я ещё являюсь членом президиума районного совета ветеранов. С их подачи, от имени краевого совета ветеранов войны и труда и правоохранительных органов, вручили мне медаль «Защитник Отечества». Есть, конечно, у меня и медаль «Ветеран труда» Российской Федерации, и медали материнства, и орден «Материнская слава» за седьмого ребёнка.

В клубе мы и по сей день работаем безвозмездно, просто на добровольных началах. Коля до болезни тоже нам помогал, возил и нас, и ветеранов по всем местам проведения мероприятий клуба. Для организации угощений или подарков ветеранам нам оказывали помощь руководители всех предприятий. Однажды

А. И. Горбушин перечислил нам из фонда сберкассы, где он был заведующим, пятьсот рублей и говорит потом: мол, наши девчата спрашивают, куда пошли наши деньги. А я говорю: «Приходите на наше мероприятие завтра». Он пришёл. Впечатления свои, пожалуй, и сам бы он не смог описать. На вечере с нами были сто двадцать вдов, и о каждой что-то кто-то сказал, и о себе они говорили. С тех пор Анатолий Иванович всегда с нами и со своей гармошкой, и со своими и нашими песнями.

Вот и на этот раз, когда мы проводили чествование ветеранов-юбиларов в районе бывшей слюдафабрики, он тоже был с нами. Здесь и зашёл разговор о моих мемуарах.

Однажды в День памяти и скорби мы решили собрать вдов погибших участников ВОВ. Их оставалось к тому времени всего восемь человек. И мы обратились с просьбой, чтобы в кафе не делали накрутку, так как у нас было мало денег, чтобы их угостить (это ведь тоже спонсорская помощь будет), к недавно вступившему на эту должность заместителю председателя районной администрации по социальным вопросам. Он нас выслушал и спрашивает: «Вы за кого голосовали на недавно прошедших выборах?» Я откровенно сказала, что не за «Единую Россию», а за «Справедливую Россию». А он вдруг и говорит: «А чего вы тогда ко мне пришли?» На что я ему пояснила: «Мы не в штаб „Единой России“ пришли, а к вам, как к человеку, занимающемуся в администрации социальными вопросами». И тогда он договорился с кафе.

Клубу «Подвиг» уже почти тридцать три года. Есть у меня и поздравление, и рассказ в стихах о его работе, есть отдельная книга — сборник «Тот победный салют», посвящённый ветеранам и труженикам тыла, печатаются мои стихи и проза в альманахе «Новый Енисейский литератор». Сумела я издать и свои сборники стихов: «Мамина пластинка», «Я с вами», «Не вините черёмуху» и другие. Печатаюсь и со стихами, и с прозой в газете «Красноярский рабочий».

На одно из недавних моих стихотворений, которое я послала в журнал «ЗОЖ» и его напечатали, я получила в ответ четырнадцать писем со всех концов России. Я в нём так описала свою те-перешнюю жизнь:

Вот и минул февраль с петушиным приветом,
И ещё один год в моей жизни большой.
Ни тоски, ни печали на сердце при этом,
Поседевши в висках, не старею душой.
Драгоценных минут даром я не теряю,
Они даже в старости так хороши.

Иль с любовью картины сию вышиваю,
Или что-то с волнением пишу для души.
Поднимается солнышко выше и выше,
Продолжается жизнь, отмеряя года.
Что-то старое помним и новое слышим.
Всё как было и есть. И так будет всегда.

В день сорокалетия нашей жизни с Колей дети устроили нам как бы повторную регистрацию нашего брака. В торжественной обстановке в загсе нас поздравляли и дети, и члены клуба «Подвиг», и совет ветеранов.

Когда мы поселились в этом только что построенном доме, двор был, конечно, никакой. Коля оборудовал палисадничек, насадил деревьев, теперь они

такие большие. Из покрышек вырезал и раскрасил лебедей. Какая красота! Как не восхититься и не отозваться об этом и сейчас?

(Каждое лето Коля чуть не каждую неделю дарит мне цветы, и я когда-то писала: «Три букета твоих цветов помню я лучше всяких слов...»)

Сколько лет позади! Много сделать успели!
Ни тоски, ни печали на сердце моём.
Ты ещё посади две сосны и две ели...
Пусть растут, ну а мы — мы ещё поживём!

Коля у матери был один, отец погиб в финскую войну. Отчим воевал в Великую Отечественную на востоке. Украина была оккупирована фашистской Германией. Как они там выжили с матерью (он с 1938 года)?! И потом мама гнала самогонку, сидела в тюрьме за неё, он жил с бабушкой. Что он видел в своей жизни? Пусть порезвится сейчас.

К Соколовскому у меня есть претензии:

Можно забыть и печаль, и разлуку,
Можно с любовью беспечно играть.
Но если есть где-то дети и внуки,
Это нельзя никогда забывать.

**Поздравление на 40-летие
совместной жизни. 2011 год**

Одно из четверостиший своих (когда за столом все «клубовцы» пели песню со словами: «Видно, придётся мне первой письмо написать») я, сказав про себя: мол, написала когда-то одна дура,— прочитала:

По синему небу носились вы, тучи,
На крыльях на чёрных своих,
Носили его мне приветы, но лучше
Бы вовсе не знала я их.

Тамара Георгиевна, председатель клуба «Подвиг», сказала: «Да брось ты, Тома, зато какие у тебя хорошие дети». Что правда, то правда.

Сейчас вот смотрю телевизионные передачи и думаю: Господи, какое счастье, что я родила и воспитала своих детей при советской власти! Они, подрастая, конечно, и убирались по дому, мыли полы и посуду, смотрели при случае за младшими. Я уже писала, что рожать в 1977 году поехала в Новосибирск, взяв с собой Любу, ей тогда было около двенадцати лет. Я в роддоме, Оля с подружкой идут с работы, так есть хочется, а ещё пока сварить. Заходим, говорит, запах такой вкусный! Что бы это значило? А это Люба открыла холодильник, ещё какие-то закоулки — картошку, например, где найти? — и сварила вкусные щи. Все дети в этом отличились замечательно.

Что сейчас творит соцзащита с семьями, я уже писала (опубликовали) в газете «Красноярский рабочий» два раза: «Опомнись, страна родная» и «Чтоб сердца согрела любовь» (основано на местных событиях).

Оля училась в восьмом классе, говорит мне однажды: «У нас сегодня вечер в школе». — «А ты почему не пошла?» Она говорит: «Не в чем». — «Как это? Ведь недавно я тебе платье сшила». — «Ну, я уже в нём была». — «Милая моя, если и так, то уж за пять рублей мы купим ткань и сошьём с тобой сами». Так и Оля научилась шить и вязать и себе, и своим детям.

...Внуки тоже поначалу с охотой помогали деду наводить чистоту на крытом рынке, но когда чуть ещё повзрослели, друзья вмешались. А как же, школа ведь стала совсем другой. Даже с доски стереть нельзя было ученика заставить.

...Кима мне жалко. Он тогда восемь месяцев снился мне. Бабушкина сестра тётя Вера (у неё в этот же день, как убили Кима, умер муж — дядя Андрей Селезнёв) говорит мне однажды: «Давай мне три рубля, я пойду в церковь, закажу им отпевание». Я дала, но, вернувшись, она отдала мне эти три рубля, потому что батюшка объяснил, что, мол, этот человек другой веры. Тогда же мне посоветовали убрать его портрет, и больше я таких снов не видела.

А жалко ещё и потому, что этого ли он хотел, когда записался в СССР, когда Советская Армия вела бои за освобождение Северной Кореи? Он даже два года добавил себе, чтобы его взяли.

Обещали, конечно, что можно будет учиться, но определили в лесосеку, в избушку с железной печкой посередине, и ещё рядом стоял бочонок с постным маслом. Как-то зимой случился пожар, и они как-то выскочили, закутавшись в одеяла, и ждали: спасут их, или они замёрзнут? Спасли. Но нашёлся человек, пообещавший им помочь перейти границу. Собрал с них деньги, довёл до границы, сказал, что всё в порядке, идите. Их, конечно, задержали, и за попытку перехода через границу дали каждому по три года тюремного заключения.

Ким потом искал своих родных, но не нашёл. А отец у него был прокурором; может, ушёл в южную часть, может, погиб. Мать руководила каким-то обществом равноправия мужчин и женщин, а Ким окончил только девять классов. Не найдя своих родных, он принял наше гражданство. Конечно, в СССР жизнь тогда ни для кого не была сладкой.

...До пятидесяти лет я была занята только детьми и работой. Я любила любую свою работу и хорошо всегда её выполняла. За всё время работы портнихой (в ОРСе я была закройщиком и мужской, и женской одежды) только двое отказались забрать свой заказ. Померили с мужчиной уже готовый костюм по его заказу, а он вдруг говорит: «А что это такое? Что за клин?» — «Какой клин? Так и кроится пиджак, рукав состоит из двух половинок — верхней и нижней». — «Нет, — говорит, — не возьму». Мы потом продали костюм через магазин. Другой раз женщина не взяла такую красивую блузочку, говорит: «Просвечивает». Так она же видела, из какой ткани заказывала, шифон всегда просвечивает. «Не возьму». Так жалко было её продавать, и я взяла её себе.

Я любила и отлично выполняла бухгалтерскую работу: и на хлебоприёмном предприятии, и в районо, и в редакции. Были рядом и добрые люди, которых я помню, которым я благодарна.

Все восемь лет, пока я работала в редакции газеты бухгалтером, ежеквартально приходили приказы из краевого управления печати премировать редактора и бухгалтера премией в сорок процентов от заработной платы, а редактор писал свой приказ о премиях корреспондентам по их строчкам в газетных материалах.

Получив как-то пять рублей, Р. И. Климова говорит (это было в начале моей работы): «Надо поставить бутылочку». — «Зачем?» — «А потом не дадут». — «Ну и зачем тебе такая премия?» Но потом я узнаю, что так делал каждый. Спрашиваю Юрина: «Слушай, ну как ты подавал эту пятёрку?» — «А кто нас спрашивал? Нам

давали ведомость, мы расписывались за одну сумму, а получали другую». И что, я должна так же с ними поступать? Я этого делать не стала, поставила в известность край. Нагорного убрали.

С Клешниным работали нормально, но однажды он попросил меня поработать ещё и за корректора, я согласилась. Месяц, второй работаю и вдруг прихожу к нему, говорю, что я всё вычитала, а он говорит: а уже не надо, я принял корректора. А я что — игрушка? С утра нельзя было сказать? И я вообще уволилась и из бухгалтерии. Клешнин принял бухгалтера. Она как привезла в край свой отчёт, там за голову схватились. Вызвали Клешнина, он попросил, чтобы поехала и я. Стали они просить меня вернуться. «Если заплатите за вынужденный прогул — вернусь». И потом работали опять нормально, пока он не перевёлся в край.

Потом был ещё редактором Верведа, но тоже уехал в край.

А когда приехал Мещеряков, то сказал сразу: «Я приехал сюда, чтобы квартиру сделать». — «Как это? У нас больше четырёхсот нуждающихся стоят в очереди, в том числе и моя дочь с семьёй, а вам...» Не успела договорить, как Г. Г. Солопова: «Ну, Тамара, каждому своё». — «Не называйтесь тогда, — говорю, — коммунистами».

Смотришь вот фильмы по ТВ, например, «Нити судьбы», или читаешь в «Новом Енисейском литераторе» Сергея Кузичкина, «К любимой женщине и обратно», — ну и нагородили, думаешь... А ты не нагородила? Но ведь всё это было...

А стрельцы опять за Софью

Уезжает как-то Клешнин в совхоз «коров доить» (контроль такой был над тружениками сельского хозяйства), а мне говорит: «Сходите к председателю райисполкома Васильеву, мы с ним разговаривали, он вам даст бумажку-ответ». Я прихожу, излагаю просьбу главного редактора, а он чуть ли не с верхней полки что-то вроде: что это такое, посылают тут кого захотят. Ну, короче, накричал на меня и ничего не дал. Я вышла из кабинета, не знаю, как я дошла до выхода из этого, как говорят, «белого дома», и всю дорогу до редакции редела, как белуга. И тут же написала письмо в ЦК КПСС. И что-то там: мол, «партия уж должна быть ближе к народу, а стрельцы опять за Софью».

Через какое-то время вызывает меня секретарь райкома: «Вы писали...» — «Да, писала». — «Понимаете, он такой невыдержанный, работа нервная». — «Да вы кричите тут хоть все друг на друга. Не понравилось ему, не в ту минуту я пришла. Хорошо. Сказал бы: вы, мол, идите, я потом сам с ним поговорю. Вызвал бы и орал на него, сколько тому понравится». — «Да, конечно,

конечно,— говорит.— Давайте я его сейчас вызову, и он перед вами извинится».— «Ещё чего не хватало, не нужны мне его извинения»,— и ушла. Потом, когда я ушла из редакции и работала в КБО, смотрю — Васильев пришёл. А тогда всякий дефицит только по их указанию продавали. Я подошла к нему, поздоровалась и говорю: «Разрешите мне купить электрическую швейную машинку». И он подписал мне это разрешение.

А Ховренков, тот секретарь райкома (их же переводили из района в район, если не в край), уехал в Нижний Ингаш, а в загсе там работала подружка моей дочери, которая сейчас приезжает частенько к нам. Я тогда передала ей книгу своих стихов с просьбой передать её Ховренкову. Когда она её передала, он сказал: «А, помню, помню, она всё правду искала». Искала и находила. И если бы мы все так поступали, жизнь была бы в России совсем другой.

...Я как услышала по ТВ в ток-шоу адрес их сайта «Раша.ру», так меня это взбесило! И я написала В. В. Путину письмо: «Как такое можно разрешать? Вы что, хотите Россию потерять? Ведь когда Вы по прямой линии разговариваете с россиянами, электронный адрес — „Россия.ру“»,— и послала в письме:

Ах, Россия. Ты не тройка уже и не птица.
Как могло это с нами случиться?
Русь родная, любимая наша,
Кто позволил назвать тебя «Раша»?

Мне пришёл ответ: «Ваше письмо на имя Президента Российской Федерации, написанное 05.08.2013 года, получено 02.09.2013 года и зарегистрировано 02.09.2013 года за № 765147».

Я писала: «Москва. Кремль. Президенту В. В. Путину», а в ответе адрес: «Москва, Российская Федерация, 103132, ул. Ильинки, 23».

И передачу ту (там мама должна была помочь сыночку выбрать себе невесту чуть ли не из десяти претенденток) убрали. А где министр образования? В торговлю пошёл. Потом вдруг опять в новой передаче «Удивительные люди» тот же дурацкий электронный адрес.

А Красноярская краевая избирательная комиссия устраивает настоящий бардак на прошлогодних сентябрьских выборах. На этот раз я позвонила Президенту на прямую линию, назвавшись, как и положено, кто я и откуда, и сказала: «Я не хочу, чтобы в ток-шоу называли или произносили вслух „Раша.ру“». Я уже писала об этом Путину, тогда убрали вообще ту передачу, а теперь такой же адрес у новой. Я не хочу, чтобы „Единая Россия“ накладывала на себя чёрные пятна во время выборов, как это делала краевая избирательная комиссия в Красноярском крае. Приезжали тут по

жалобам московские проверяющие — и что? Ну, вот теперь мы знаем, что того председателя крайизбиркома убрали. Хочется верить, что не одна я была этими фактами возмущена».

В 2016 году я вступила в партию «Возрождение села». И уже опубликовали несколько моих статей в газете «Красноярский рабочий»: «Обойдётся армия без крестьян», «Ну что за судьба у Великой России?», «Сколько можно смотреть на такой перекося?».

Ещё раньше я писала в Законодательное собрание Красноярского края: «В мире не было б столько больших городов, если б малые их не кормили». Докормились, что стираются с лица земли деревни и сёла. А ведь возродится село — возродится и пашня.

Где вы, механики, слесари, плотники?
Что ж непрестижным-то стал этот труд?
Где комбайнёры, трактористы, высотники?
Стройки и пашни давно уже ждут.

Недавно прочитала слова писателя-фронтовика Бориса Васильева: «Россия — вечный пограничник: между востоком и западом, севером и югом, между христианством и исламом. Мы — совершенно особая страна, второй такой не существует. Знаете, в чём её особенность? Россия никогда не имела колоний. Все присоединившиеся к ней входили в неё добровольно, и это было не только формально».

Гордиться Россией, стараться преобразовать жизнь на своей малой родине, не допустить когда-нибудь её превращения в чью-то «колонию» — задача каждого гражданина, жителя города, района или посёлка.

«Мы все учились понемногу...»

В советское время было лучшее образование. Нас и правда хорошо всему учили. Но сами учителя, как и вообще все люди любых профессий, встречались разные.

Я в четвёртом классе. Кто-то из мальчишек на задней парте тихонечко мне мешал, и я чуть погромче сказала ему: «Отстань». Учитель, а он был мужчина в возрасте, не разобравшись: «Кирюхина, марш на последнюю парту!» Пересела. «А я ничего не вижу на доске». — «Ну ладно, садись на место и не шуми». Потом он, видимо, рассказал об этом маме, и вот с тех пор я ношу очки. Доктора говорили, что если ходить в очках, со временем близорукость пройдёт. Или они не знают порой, о чём говорят?

С седьмого по десятый класс в городе Канске все учителя были хорошие, как и в Уяре с пятого по седьмой класс. Но одна

была вообще даже интересной. Она как-то говорила нам: «Ребята, если вы не выучили почему-то урок, скажите мне об этом на перемене, я не буду вас вызывать, в другой раз подготовитесь». Как она понимала, причины могут быть разные, а ожидание вызова к доске, неуверенность или неправильность в ответах могут вызвать смех, всё это для детей стрессовое состояние.

Когда я работала в школе № 2 старшей пионервожатой, директором был Николай Петрович Удовицкий (да-да, а потом и зав. районо, и директор школы № 3).

Ситуация: вызывают в школу родителей. «Та... та... та...» — жалуется на ребёнка учитель. А директор потом педагогу: «К вам пришла мама вашего ученика, сказали бы сначала ей о нём что-нибудь хорошее, это же ваша обязанность — знать, а потом указали бы на недостатки».

Теперь уже мой сынок, Валентин. Школа № 40. Учится во втором классе. Учитель (немолодая) говорит мне однажды: «Я его оставляю на второй год, — и добавляет: — Здесь ему не детский сад». Через какое-то время так получилось, что мы стали жить в другой квартире, по другому адресу. Расстояние, конечно, небольшое, туда или сюда, но я перевела сына в другую школу. И сколько ни говорила со мной директор этой школы: мол, ведь он ни в одной четверти, ни за год не был неуспевающим, она не могла его оставить на второй год (а тогда была в железнодорожных школах в начальных классах наполняемость — строго сорок человек), — я настояла на своём. Вот уже как небо от земли. Мария Павловна Барчан старалась ближе к себе привлекать мальчишек. «Девочки, — говорила она, — и так со мной, а вот к мальчикам нужен особый подход».

Стал сынок подрастать, всё хорошо, и вдруг он мне говорит в конце первой четверти восьмого класса: «Мама, я первый раз за свою учёбу буду неуспевающим за четверть». Что такое? Учителя не жаловались, не вызывали. «А я, — говорит, — когда меня вызывали к доске, вставал и говорил, что не учил. „Садись — два“, — и так далее». — «Почему? Я же видела, что ты учил». — «Да я хотел, чтобы меня выгнали из школы, и я пошёл бы работать, и зарабатывал бы, как Оля (старшая сестра), деньги. И тебе бы помог, и себе бы что-нибудь купил». — «Кто же тебя на работу возьмёт в таком возрасте? Ты об этом подумал?»

Я обратилась к директору школы Нине Васильевне Саушкиной. Мы с ней поговорили обо всём этом. Он же уроков не пропускал, не хулиганил, не отвлекался. Даже если учителя смогли поверить, что он действительно не учил, можно же было спросить, о чём педагог говорил на уроке, или мне сказать об этом. Не знаю, какой разговор был у директора с педагогами, но за четверть

у Валентина были выставлены по всем дисциплинам тройки. А в конце второй четверти он мне сказал: «Мама, я по четырём предметам исправил оценки, у меня там теперь четвёрки». Теперь же, как я уже писала, у него высшее образование.

А, кстати, Лиля пошла в школу с шести лет, девятый класс окончила в четырнадцать лет и умудрилась устроиться на работу в детский сад. Там что-то затопило, и она набирала и подавала воду наверх. Но когда я обратилась, чтобы выписали ей трудовую книжку, мне ответили: «Как это? Ей только четырнадцать лет». Но на работу ведь её взяли, и зарплату она получила. Конечно, Лиле книжку выписали, и в техникум она пошла уже с двухмесячным трудовым стажем.

...Приходит домой Лена (четвёртый класс, школа № 3, в начальной уже стало только три класса): «Мама, нас сегодня Лидия Ивановна послала домой к девочке, она в школе несколько дней не была», — и называет её фамилию. А я уже знала, Лидия Ивановна говорила (я же в то время в школе № 3 работала), что эта девочка из неблагополучной семьи, и мама по пьянке уже подкладывала её к мужикам.

«Ты что, с ума сошла? — говорю. — А если бы с этими девчонками что случилось?» — «Да я, — говорит, — и не подумала об этом».

Галя (мы с ней были в детском доме в Канске, но я училась в школе, а она в педучилище) говорит мне однажды: «Я подрабатывала летом, во время своего школьного отпуска, в детском саду, мне твоя дочка понравилась, я возьму её, у меня теперь будет первый класс». — «Ну, бери», — говорю. А на следующий год организовали в школе обеды для учащихся. Я подаю педагогу три рубля (столько стоил обед), а она говорит, что не будет их водить кормить, что все нормальные семьи записали детей к Козыревой, а у неё кто попало и в основном беднота, многие не согласились. «Так кто платит, тех и корми». — «Не буду». И мне пришлось просить ту учительницу, и она включила мою дочь в список обедов в свой класс.

Василий во втором классе (школа № 2). Мы тогда уже жили на Мичурина. Учительница, срывая Васю с урока, посылает его за мной (я в родительском комитете). Прихожу, она опять прерывает урок, рассказывает мне и ещё одной родительнице и просит сходить в одну семью. Оказалось, она не может найти общий язык с матерью девочки, которая опять не была в школе. Подходим мы к этому дому, стучим в окно (октябрь месяц). Женщина подошла к окну, мы просим её выйти. «Не пойду и не пущу». Чуть погодя опять стучим. Подходит. Объясняю: «Женщина, мы ведь не знаем ваших обстоятельств. Почему вы думаете, что мы будем обязательно на стороне учителя? Давайте поговорим». Она согласилась, мы

зашли. В доме чистенько, пол некрашенный, но чисто выскоблен, вымыт, кое-где лежат самотканые половички. На столе очищенные от верхних зелёных листьев кочаны капусты горкой, готовые для засолки. На кровати бабушка сидит, по полу ползает лет четырёх ребёнок — инвалид с детства. Мама работает в больнице прачкой.

Выясняется: однажды дочка прибежала из школы раздетая, а была уже зима. Это произошло ещё в первом классе. Плачет, а за ней учительница ещё с одной девочкой, с пальто её дочери. «Она убежала раздетая». А мама-то уже знает, почему она так сделала. Дочка в школу ушла, мама ещё была на работе. Одноклассницы до уроков ещё побежали к учительнице: «Лида не заплетённая пришла». — «Ну, заплетите её там чем-нибудь». Лида это слышала и, естественно, убежала. А в классе было только восемь девочек, остальные мальчишки. И что, учительница не знала, какие трудности в той семье? Да она могла бы хоть всех восьмерых причесать, а уж тем более одну. И ещё несколько других эпизодов. И мы предложили перевести Лиду в другой, второй же, класс. Мама согласилась.

На следующий день прихожу я с рассказом о ситуации к директору школы Анне Даниловне. «Ой, Тамара Яковлевна, вы здесь, а я вас ищу». Я ещё раз повторяю всё увиденное и услышанное. И начинаются возражения. «Знаешь, Зинаида Васильевна, давай вот так поговорим. На свете так много совершается чудес. Вот, допустим, ходит корова. Отелилась — оказалось, не телёнок, а ребёнок. Ты с коровой, конечно, языка не найдёшь, а ребёнка тебе надо научить».

Женщина дала согласие перевести дочку завтра в другой класс. Назавтра приходит домой мой сынок и спрашивает: «Мама, ты ходила вчера в школу, разговаривала?» — «Да, ходила». — «Не ходи больше, ничего не говори». — «Почему?» Оказалось, начался урок, и Зинаида Васильевна говорит: «Лида, ты пойдёшь в другой класс?» — «Пойду», — отвечает ребёнок. «Бери свою сумку и пальто и иди». Девочка уходит, а учительница, не поверите, говорит моему сыну: «Вася, может быть, ты тоже пойдёшь с ней?»

Вот что делать? Надо идти в школу, разговаривать с Зинаидой Васильевной. Я-то, думаю, ведь не корова — может, найду общий язык. «Здравствуй, — говорю — Зинаида Васильевна. И зачем ты это сделала? Вася-то при чём? У него ведь на всю жизнь застрянет это в голове — проходить мимо чего бы то ни было».

А ведь правда, сейчас вот я осознаю. Жду как-то от дочери из Москвы посылку. Долго нету, а сейчас же обо всех передвижениях можно узнать по Интернету. Дочь мне звонит: такого-то числа

посылка была уже в Красноярске. Иду на почту, ищут — нет. Обращаюсь к старшей. Она звонит в Красноярск и говорит мне, что кто-то там по ошибке не в ту сторону её отбросил, и она ушла опять в Москву, а не в Уяр. Вот что делать? «Да ладно, мама,— говорит мне тогда Вася (ему уже не восемь, а двадцать восемь лет).— Ошиблась девочка — что же, её теперь наказывать?»

Вот так и живём. Собрали деньги с дольщиков, а люди до сих пор без квартир. Кого наказали? Набрали денег на авиаперелёты, а улететь люди не могут. И так далее и тому подобное.

А тогда я Зинаиде Васильевне, кроме того, ещё сказала вот о чём: «Я долго молчала, но сейчас предупреждаю: не лишай детей уроков по физической культуре. Если тебе тяжело или не хочешь почему-то сама их вести, передай физруку (я же знала, работая в школе, что так можно)».

Подходит время выпуска сына из начальных классов школы. Я сочинила стишок, оформила на всех учеников класса табели успеваемости с этим стихотворением и снимком школы и прихожу к Зинаиде Васильевне (сама думаю: не возьмёт — отдам в другой класс). «Ой, как хорошо,— говорит,— спасибо вам большое!» Значит, мы друг друга поняли. Потом, уезжая в Германию, Зинаида Васильевна попросила у меня книжку моих стихов. Конечно, я ей её дала. Потом она приезжала на юбилей школы, и была у нас с ней тёплая встреча.

Вася уже в пятом классе. Второй год у него хороший классный руководитель, преподаватель русского языка и литературы. Изучают, читают, устраивают конкурсы чтецов, и Вера Фёдоровна говорит мне: «Тамара Яковлевна, вы не ищите Васе чего-то другого, пусть он учит и читает ваши стихи». Так и делаем. И однажды Вася так сердито говорит мне: «Ничего не буду больше ни учить, ни читать».— «Что случилось?» Оказалось (я на работу ходила к восьми часам, а занятия начинались в половине девятого), Люба решила надеть на Васю кофту, которую ей кто-то подарил («Монтана» называлась). Красивая, тёмно-фиолетового цвета с широкими полосами красного и серого, цельно вязанные длинные рукава. Он был такой довольный, и ученики, поди, позавидовали. А Вера Фёдоровна, зайдя в класс, сразу (не знаю, как назвать и как понять): «Вася, ты что это вырядился, как петух?»

Ситуацию окончания школы Леной я уже описывала выше.

Сейчас я давно уже вот что думаю. Школа должна давать детям хорошие знания и трудовые навыки за девять лет обучения. У нас и в детском доме на обучение полному среднему образованию оставляли только тех, кто учился на «четыре» и «пять», а остальных направляли в ПТУ или техникумы. Вот мои дочери

Лиля и Людмила учились ещё и в школе искусств: Лиля — на художественном отделении, а Людмила — в музыкальной школе по классу аккордеона. Но к окончанию девятого класса отучились там только по нескольку лет. Поступив в Канское педагогическое училище, Лиля окончила в Канске художественную школу, а Людмила окончила музыкальную школу уже в Железногорске, когда училась там в училище.

А вот что ещё мне как-то сказала учительница Людмилы: «Я только ко второму классу разобралась с характером вашей дочки. Вызываю к доске — выходит, молчит. Спрашиваю: „Ты учила?“ Говорит: „Учила“. — „Значит, читала. А почему молчишь, не говоришь, о чём там написано?“ Нет, никто не додумается, что ответила Людмила: „А вы что, сами не знаете, что там написано?“»

«Вдруг я что-то не так скажу, и все будут надо мной смеяться», — это Людмила говорила уже мне, когда я стала объяснять ей, что рассказывать надо, иначе как же учительница будет знать, что она усвоила материал?

Чем быстрее у детей вырабатывается самостоятельность, тем это лучше для них же. Так же и Валентин, окончив училище (механик-моторист) и курсы шофёров, отслужив в армии, поступил в институт и успешно его окончил.

«И напоследок я скажу...»

В молодости я ещё и вышивкой занималась. Были у меня вышиты две наволочки гладью с анютиными глазками и четыре салфетки с васильками на полочки этажерки, скатерть на круглый стол, тоже с васильками, и маленькая подушечка-«думочка», вышитая крестиком. А потом работа и уход за детьми отняли у меня это занятие. И вот, уже поздравляя меня с семидесятилетием, две дочки подарили мне по подушечке, вышитой ими крестиком. Спасибо, очень рада. А Лиля и говорит: «Мама, я вот привезла тебе набор для вышивания, попробуй, может у тебя получится, вышей сама». Да как же не получится?! С тех пор вышивка и крестиком, и бисером стала моим любимым занятием. Навышивала около ста пятидесяти картин и образов. Участвовала в выставках в Уяре, Бородино, дважды в Красноярске, в Канске и Железногорске (в библиотеках, музеях и выставочных залах). Отовсюду храню дипломы и грамоты, частенько их пересматриваю и перечитываю. Все свои вышивки я оформила в рамочки, дарила детям, школам, друзьям, библиотеке, Дому пионеров (всё, конечно, по случаю), краеведческому музею в городе Канске, редакции «Красноярского рабочего» и так далее.

В отдельной папке я храню статьи, которые писала в разные газеты и журналы, и те, которые писали что-то обо мне. Все мне дороги. И книги моих стихов: «Мамина пластинка», «Я буду век за вас молиться», «Я с вами», «Не вините черёмуху», «Тот победный салют» (отдельно собрала стихи и рассказы о войне).

Напечатаны мои стихи в семи выпусках альманаха «Новый Енисейский литератор» и в большой книге «Красноярская поэзия XX века» (издательство «Буква», Красноярск, 2001). На 271-й странице — три моих стихотворения: «На закате солнце догорает», «Где ты?», «Русская берёза».

Теперь, перечитав всю книгу этого избранного, я наметила и хочу составить и издать несколько экземпляров сборника тех из его стихотворений, которые понравились мне, и добавить ещё своих, по затронутым в них темам.

В 2017 году я приняла участие во Всероссийском литературном конкурсе «Герои Великой Победы», который с 2015 года проводят Российское военно-патриотическое общество, Министерство обороны Российской Федерации, Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство культуры Российской Федерации, Российская Государственная библиотека, Издательский дом «Не секретно».

На посланные мной семнадцать стихотворений мне прислали сертификаты участника, а восемь стихотворений вошли в полуфинал конкурса, и мне прислали дипломы полуфиналиста. За два стихотворения я получила дипломы финалиста и памятную медаль участника этого Всероссийского конкурса.

Теперь по просьбе конкурсантов выпускаются красиво оформленные книги «Сборник работ полуфиналистов и финалистов» вышеназванного конкурса. Два экземпляра (часть I) я уже получила и ожидаю другие, где будут и мои стихи. Одна из моих работ, вошедшая в полуфинал, — «Саки — Уяр» — опубликована, и я получила учреждённые «Новым Енисейским литератором» три книги «Писатели на берегах Енисея XIX — XXI вв. Антология короткого рассказа» (2-е издание, 2017).

Читаю вот сейчас рассказы о своих родных Виктора Алексеевича Гришина «А мы выжили» и «Гонки ценою в жизнь» (с двадцать девятой по сорок четвёртую страницу): «Великая Отечественная война, она на генном уровне (автор 1952 года рождения) вошла в нас и сплотила наши народы, и мы независимо от возраста были причастны к ней». Думаю: где же потерялись эти гены, если даже депутаты считают для себя нормальным получать до пятисот тысяч рублей зарплаты и устанавливают в десять тысяч рублей прожиточный минимум, а многие пенсионеры получают

по восемь тысяч рублей, имея более тридцати лет рабочего стажа. А сколько наплодилось миллионеров и миллиардеров за счёт того же простого народа, за счёт богатства земных недр, которые также должны принадлежать всему народу страны!

Такие книги надо выпускать не только за счёт авторов и гораздо бóльшими тиражами.

Читая Виталия Евгеньевича Шевцова, который был руководителем детской литературной студии «Лукоморье», думаю: «Почему у нас в Уяре никто из педагогов, работая, не объединит творческих детей? Ведь многие школьники сочиняют стихи, эссе, а возможно, и рассказы». Ежегодно слышат и видят их, сидя в жюри, и работники отдела культуры и образования на проводимых в районном Доме культуры конкурсах чтецов «Спелая клюква».

Капля в море

Капля в море среди трудового народа,
Я из многих одна матерей.
Мне в награду букет подарила природа
В многоцветной своей красоте.
Пятеро милых моих дочерей,
Пятеро женщин и пять матерей,
Два сына, зятя, и невестки, и правнуки,
Внуки — большая родня,
Всё это останется после меня.